

The poster features a woman with long, flowing red hair, wearing a dark green dress with a white lace-trimmed apron. She has large, dark, bat-like wings. In her right hand, she holds a small, dark, ornate cauldron from which green smoke rises. Her left hand is extended, with a small, glowing golden spark falling from it. Beside her is a large, black, devil-like cat with red eyes and small horns. The cat also has large, dark wings and wears a collar with a bell. The background is a dark, forested area at night, with a full moon in the sky and a small, rustic wooden house with a lit window in the distance. The overall tone is magical and mysterious.

Тамира

ТРАВНИЦА

ПОНЕВОЛЕ,

— или

КУДА ДЕТЬ
БОЕВОГО МАГА

Тамира .

Травница поневоле, или Куда деть боевого мага

<https://litres.ru/74640597>

SelfPub; 2026

Аннотация

Боевой маг с отличием Велина Огнева, способная вскипятить озеро, ждала места в столичной страже. Но вместо службы она получила лавку травницы в деревне Глухомостье. Продать наследство нельзя — родовое проклятие привязывает хозяйку к месту.

Вместо капитала — развалюха с заколоченными ставнями, заросший сад и пересохший фонтан. В комплекте: вздыхающее привидение, домовушка с вечно пригорающей кашей, сова в очках, вредный Дворовой с ледяной водой и черный кот с рожками. Кот призван случайно: это Страж с Изнанки с ядовитым шипом на хвосте, крыльями и убийственным сарказмом.

Пока Велина превращает руины в лавку, появляются дальние родственники прежней хозяйки. Им нужны фамильные артефакты, и они готовы на убийство. Вот только они не учли, что этот дом умеет защищать своих.

Тамира .

Травница поневоле, или Куда деть боевого мага

Глава 1. Огненная Кара получает диплом

Главный зал Академии Высших Магических Искусств города Стольграда гудел, как улей в сезон медосбора. Под высокими сводами, увитыми гирляндами из зачарованных цветов, которые никогда не вяли, собрались выпускники, их семьи и преподаватели. Парящие под потолком светляки — крошечные магические огоньки, выведенные специально для торжественных церемоний, — заливали помещение тёплым золотистым светом. Церемония вручения дипломов шла уже второй час, и ректор, архимагистр Теодор Ветровей, чувствовал, как его парадная мантия насквозь пропиталась потом.

Он стоял на сцене, держа в одной руке посох из окаменелого дуба, а в другой — очередной дипломный свиток. Его окладистая седая борода была безупречно расчёсана, а улыбка отрепетирована до автоматизма. Каждому выпускнику — пара тёплых слов, рукопожатие, свиток с алой печатью. Отработанная годами схема.

Ректор мысленно отсчитывал, сколько имён осталось до конца списка. Осталось трое. Двое. Один...

А потом он увидел следующее имя.

Улыбка застыла. Где-то в глубине души, там, где у нормальных людей живёт надежда, у архимагистра Ветровея поселилось стойкое желание сбежать через запасной выход. Он подавил его усилием воли и поправил мантию.

— Велина Огнева, — произнёс он голосом, который, как ему казалось, звучал торжественно, а на самом деле напоминал предсмертный хрип.

Из рядов выпускников поднялась она.

Невысокая, но держащаяся так, будто весь зал принадлежал ей по праву рождения. Рыжеватые волосы, собранные в небрежный пучок, из которого уже выбились непокорные пряди. Зелёные глаза, в которых плясали искры — в самом прямом смысле. Когда Велина волновалась, злилась или просто находилась в приподнятом настроении, её магия просачивалась наружу. Искры сыпались с кончиков пальцев, вспыхивали в волосах, а однажды — о чём в Академии до сих пор рассказывали шёпотом — подожгли декану некромантии лысину.

Декан, магистр Некрос, сидел в первом ряду и нервно поглаживал отросшие за полгода волосы. Когда Велина проходила мимо, он инстинктивно пригнулся.

— Иду, иду, — бросила она, поднимаясь на сцену.

Её мантия была чуть короче, чем полагалось по уставу, а на подоле красовалось выжженное пятно — результат неудачного эксперимента с зельем взрывного роста. Вели-

на утверждала, что это «дизайнерское решение». Комендант общежития с ней не соглашался, но спорить боялся.

Ректор протянул ей свиток. Велина взяла его, покрутила в руках и, не церемонясь, сунула под мышку.

— С отличием, — прочитала она вслух и хмыкнула. —
Надо же. А мне говорили, что за поджог полигона отчисляют.
В зале кто-то нервно хихикнул. Кто-то закашлялся, пыта-
ясь скрыть смех. Магистр Некрос закрыл глаза и, кажется,
начал беззвучно молиться.

— Мы... э-э-э... решили проявить педагогическую гиб-
кость, — выдавил ректор, чувствуя, как по виску катится
капля пота. — Ваши нестандартные решения, госпожа Ог-
нева, при всех их... гм... разрушительных последствиях, де-
монстрируют выдающийся магический потенциал и неорди-
нарное мышление.

— Это вы хорошо сказали, — одобрила Велина. — «Неор-
динарное мышление». Надо запомнить. Буду использовать,
когда меня в следующий раз попытаются арестовать.

Она повернулась к залу, прищурилась и начала загибать
пальцы:

— Три сожжённых кабинета. Один разнесённый полигон.
Случай с деканом Некросом...

— Я всё ещё здесь! — подал голос декан с первого ряда.
Его голос дрожал.

— Вижу, вижу, — отмахнулась Велина. — Лысина отрос-
ла, поздравляю. Кстати, вам идёт седина. Солиднее смотри-

тесь.

Зал грохнул. Уже не скрываясь. Кто-то из младших преподавателей уткнулся лицом в программку церемонии, плечи его тряслись. Даже суровый магистр боевой подготовки, обычно неодобрительно относившийся к выходкам Велины, позволил себе скупую улыбку.

Ректор, пользуясь паузой, наклонился к самому уху Велины и зашептал — так, чтобы слышала только она:

— Велина, я хочу, чтобы ты знала. Ты — одна из самых одарённых студенток за все сорок лет моей работы. Твой потенциал огромен. Твоя сила впечатляет. И я бесконечно, безмерно, всей душой рад, что ты наконец-то выпускаешься.

Он выдохнул. Это был не обычный выдох. Это был выдох человека, который четыре года жил на пороховой бочке, и вот бочку наконец выкатили за ворота.

— Спасибо, что дипломировалась, — добавил он почти жалобно. — Теперь хоть не моя головная боль. Удачи тебе... где-нибудь подальше.

Велина посмотрела на него. В её зелёных глазах, в которых всё ещё плясали искры, мелькнуло что-то, отдалённо напоминающее теплоту.

— Буду скучать по вашим нервным тикам, магистр, — сказала она. — И по тому, как вы прячетесь за кафедру, когда я вхожу в аудиторию. Это было мило.

— Я не прятался, — запротестовал ректор. — Я... проверял сохранность напольных досок.

— Конечно, — Велина улыбнулась. — Все четыре года. Очень тщательная проверка.

Она спрыгнула со сцены и приземлилась прямо перед деканом Некросом, который инстинктивно прикрыл голову руками.

— Магистр, — сказала она, — ваши волосы отросли просто великолепно. Густые, блестящие. Что используете?

— Страх, — честно ответил декан. — И специальную мазь от ожогов.

Велина рассмеялась и похлопала его по плечу — бережно, почти ласково.

— Не бойтесь. Я выпускаюсь. Теперь будете скучать по моим выходкам.

— Буду молиться, — пообещал декан.

Велина пошла к выходу, оставляя за собой дорожку из гаснущих в воздухе искр. Выпускники расступались перед ней, как море перед носом корабля. Кто-то смотрел с восхищением, кто-то — с облегчением, что она больше не будет устраивать внеплановые взрывы на общих практикумах.

У дверей её перехватил однокурсник — Мирослав, невысокий парень в очках, специализировавшийся на защитных заклинаниях. Они не были друзьями, но за четыре года привыкли друг к другу.

— Велина, — сказал он, поправляя очки. — Поздравляю. С отличием — это сильно.

— Спасибо, Мирослав.

— Какие планы? Столичная стража?

— Вроде того, — она не стала вдаваться в подробности. Завещание Веданы всё ещё лежало в сумке, но она не была готова обсуждать это с кем-либо. — А ты?

— Меня берут в городскую стражу. Защитные барьеры, охранные чары. Скучно, но стабильно.

— Поздравляю. Ты всегда был хорош в защите. Помнишь, как прикрыл меня на третьем курсе, когда мой огненный шар срикошетил?

Мирослав побледнел.

— Я пытаюсь забыть этот день последние два года. Ты мне чуть брови не спалила.

— Но не спалила же! — Велина улыбнулась. — Благодаря твоему барьеру. Так что ты — герой.

— Герой с седыми волосами, — пробормотал Мирослав, но улыбнулся в ответ. — Ладно, Огнева. Удачи тебе. Надеюсь, в столичной страже знают, кого берут.

— Ещё не знают, — сказала Велина. — Но скоро узнают.

Она вышла в главный коридор Академии. Высокие сводчатые потолки, каменные стены, увитые магическим плющом, который светился в темноте, помогая студентам не заблудиться ночью. Она провела здесь четыре года — и теперь уходила навсегда.

Странное чувство. Не грусть, нет. Скорее... предвкушение. Новая жизнь. Новая работа. Новые возможности.

Велина толкнула тяжёлую дубовую дверь и вышла во

внутренний двор Академии.

Солнце светило ярко, птицы пели где-то в кронах старых дубов, обрамлявших двор. Другие выпускники выходили из зала, смеялись, обнимались с родными, строили планы. Велина стояла в стороне. Ей не с кем было обниматься — бабушка умерла два года назад, других родственников она не знала. Из друзей... ну, в Академии у неё было больше соперников, чем друзей. Что поделать — характер.

Она сунула диплом в сумку и направилась к скамейке под старым дубом — отдохнуть, подумать, помечтать о будущем. Села, вытянула ноги, подставила лицо солнцу.

— Столичная стража, — пробормотала она. — Собственный кабинет. Полигон для тренировок. И никаких деканов с их лысынами.

— Я всё ещё здесь! — донёсся слабый голос откуда-то из-за угла.

Велина улыбнулась и закрыла глаза.

Она ещё не знала, что все её планы рухнут через несколько минут.

Глава 2. Капкан судьбы

Велина сидела на скамейке под старым дубом, подставив лицо солнцу, и мечтала. Мечты были простыми и ясными: столичная стража, собственный кабинет, полигон для тренировок и никаких деканов с их лысынами. Жизнь казалась прекрасной.

— Госпожа Велина Огнева?

Голос прозвучал так неожиданно, что Велина вздрогнула и открыла глаза. Перед ней стоял невысокий человечек в сером костюме, с кожаным портфелем в руках. У него были маленькие, аккуратные усики и глаза цвета выцветшего пергамента. Выражение лица — как у человека, который привык сообщать новости, от которых людям хочется выпить.

— Допустим, — сказала Велина, скрещивая руки на груди. По спине пробежал холодок — верный признак того, что её что-то насторожило. — А вы кто?

— Позвольте представиться. Клемент Буквояд, нотариус третьей гильдии, поверенный в делах усопших и хранитель последних волей. — Он чуть поклонился. — У меня для вас известие.

— Известие? — Велина приподняла бровь. — От кого?

— От вашей дальней родственницы. Веданы Травницы. Она скончалась две недели назад и оставила завещание.

Велина нахмурилась. Имя было знакомым — она слышала его от бабушки. Та иногда рассказывала семейные истории, в которых фигурировала какая-то троюродная тётка, жившая в глуши и державшая лавку с травами. «Ведана — последняя из настоящих, сильных, — говорила бабушка, и в её голосе звучала странная смесь уважения и грусти. — Но род угасает, и лавка уйдёт чужим. Жаль».

Велина тогда не придавала этому значения — мало ли о ком вздыхают старики? Но сейчас, услышав имя Веданы из уст

нотариуса, она вдруг ощутила, как по позвоночнику пробежал холодок.

— И что в завещании? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Надеюсь, состояние? Замок? Тайный счёт в гномьем банке?

Нотариус кашлянул. В его кашле слышалось что-то, похожее на извинение.

— Не совсем. Госпожа Ведана оставила вам лавку.

Велина моргнула.

— Лавку?

— Травяную лавку. В деревне Глухомостье. Вместе с домом, прилегающим садом и всем содержимым.

В голове Велины пронеслись картины, одна ужаснее другой: вместо боевого плаща — передник. Вместо полигона — грядки с ромашкой. Вместо вражеских некромантов — старушки с радикулитом.

— Лавку, — повторила она уже без вопросительной интонации. — Травяную. Лавку. В деревне. Мне. Боевому магу, который может вскипятить озеро одним движением пальца. Вы серьёзно?

— Абсолютно серьёзно, — нотариус деликатно отвёл глаза. — Но это ещё не всё. В завещании указано условие.

— Какое?

— Лавку нельзя продавать. Нельзя передавать третьим лицам. Нельзя сдавать в аренду. Вы обязаны лично вести дело.

Велина почувствовала, как внутри закипает ярость. Искры в волосах вспыхнули ярче, а вокруг скамейки начал нагреваться воздух.

— А если я откажусь? — спросила она сквозь зубы.

Нотариус открыл портфель и достал свиток, перевязанный чёрной лентой с сургучной печатью. Печать была старой, покрытой трещинами, но на ней всё ещё различался герб — скрещённые ветви трав и маленький котелок. Семейный герб, о существовании которого Велина даже не подозревала.

— В таком случае, — произнёс он тихо, — вступает в силу родовое проклятие. Оно навсегда лишит вас магии.

Велина замерла. Протянула руку и взяла свиток.

В тот момент, когда её пальцы коснулись бумаги, она это почувствовала. Слабый, едва уловимый импульс — как тихий шёпот на грани слышимости, как лёгкое дуновение ледяного ветра. Магия, заключённая в завещании, потянулась к ней, пробуя на вкус, проверяя, та ли это кровь, которую она ждала. И, кажется, узнала.

Искры в волосах Велины погасли. Все разом.

— Что это? — прошептала она.

— Проклятие реагирует на кровь, — пояснил нотариус. — Оно признало вас. Теперь оно привязано к вам. Если вы откажетесь от наследства, оно исполнится.

Велина развернула свиток и пробежала глазами по строчкам. Почерк был старым, витиеватым, но разборчивым.

«Проклятие рода падёт на ослушницу, — гласил текст. — И магия покинет её, и сила уйдёт, как вода в песок, и станет она пуста, как сосуд без вина».

— Очень поэтично, — пробормотала она. — Кто составлял — сама Ведана или её адвокат?

— Госпожа Ведана была весьма предусмотрительной женщиной. Она очень не хотела, чтобы лавка досталась чужакам. Родовая магия, знаете ли. Кровь к крови.

— Кровь к крови, — повторила Велина, и её голос зазвучал от ярости. — Я боевой маг! Я четыре года училась взрывать, поджигать и испепелять! Меня ждали в столичной страже! А вы предлагаете мне поехать в какую-то дыру и торговать ромашкой?!

Она вскочила со скамейки. Вокруг неё вспыхнуло кольцо огня — трава под ногами обуглилась, а от жара закрипели ветви старого дуба. Птицы, певшие в кронах, испуганно замолкли и сорвались с веток.

— Не предлагаю, — нотариус попятился, но не побежал. — Констатирую. Завещание заверено магически. Отказ от наследства запустит проклятие. Я бы на вашем месте...

— Да что вы знаете о моём месте?!

Огонь вспыхнул ярче.

Клемент Буквоед, к его чести, не побежал. Он просто закрыл глаза, втянул голову в плечи и стоял так, пока пламя не улеглось. Когда он их открыл, на его лице застыло выражение человека, который за годы работы повидал всякое.

— Я понимаю ваше негодование, — произнёс он спокойно. — Но завещание есть завещание. Проклятие рода — не шутка. Я слышал о случаях, когда ослушники теряли магию. Полностью. Навсегда. И не только магию — некоторые теряли и вкус к жизни, и интерес к миру. Магия для таких, как вы, — не просто инструмент. Это часть души.

Велина замерла. Огонь вокруг неё погас.

— Откуда вы знаете, какая у меня душа? — спросила она тихо.

— Я не знаю, — признался нотариус. — Но я знаю законы родовой магии. Она не прощает пренебрежения. Это не наказание, не злая воля вашей родственницы. Это как течение реки. Если вы пытаетесь плыть против — оно утопит вас. Если вы принимаете его — оно вынесет вас к цели. Ваша тётка просто направила течение. А плыть или нет — решать вам.

Велина опустилась обратно на скамейку. Свиток всё ещё был у неё в руках, и она чувствовала, как магия в нём пульсирует — слабо, едва заметно, но ощутимо. Как тихое сердцебиение. Как дыхание спящего зверя. И в этом дыхании не было угрозы. Была... надежда? Ожидание?

— Глухомостье, — произнесла она с отвращением. — Даже название какое... глухое. И мох. Глушь и мох. Чудесно.

— Деревня небольшая, но уютная, — осторожно заметил нотариус. — Чистый воздух. Лес рядом. Речка.

— Речка, — повторила Велина убитым голосом. — Лес. Ромашка.

— И лавка. Очень хорошая лавка, я слышал. Вернее, была хорошей. Когда-то. До того, как госпожа Ведана отошла от дел.

— Отошла от дел, — эхом отозвалась Велина. — В мир иной отошла, а я теперь расхлёбывай.

Она глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться. Из ушей шёл пар — в прямом смысле. Но кричать и взрывать больше не хотелось. Хотелось просто... принять вызов. Потому что если она что-то и ненавидела больше ромашки, так это проигрывать.

— Когда нужно ехать? — спросила она сквозь зубы.

Нотариус заметно оживился.

— Чем скорее, тем лучше. Дом стоит пустой уже несколько недель. За ним нужно присматривать. Дилижанс до Глухомостья отправляется завтра утром от восточных ворот.

— Завтра. Утром. У восточных ворот. Я буду.

Нотариус быстро сунул ей в руки конверт с документами, ключами и подробной картой и попятился.

— Я бы посоветовал вам не задерживаться, — добавил он. — Дом ждёт. И чем дольше он ждёт, тем сложнее будет его разбудить.

— Разбудить? — переспросила Велина, но нотариус уже ретировался с такой скоростью, будто за ним гналась стая василисков.

Она осталась одна во дворе. Солнце всё так же светило, но мир вокруг неё изменился.

Велина посмотрела на диплом в одной руке, на конверт с ключами в другой. Блестящая карьера боевого мага — и старая травяная лавка в глуши. Выбор, которого у неё не было.

— Ладно, тётушка Ведана, — пробормотала она, поднимаясь. — Посмотрим, что ты мне оставила.

Она сунула всё в сумку и направилась к общежитию. Нужно было собирать вещи.

Дилижанс отправлялся ровно в восемь утра. Старый, скрипучий, запряжённый парой лошадей, которые выглядели так, будто помнили ещё позапрошлого императора. Кучер — мрачный мужик с седыми усами и вечно прищуренными глазами — окинул Велину оценивающим взглядом и молча кивнул на дверцу.

Велина забросила чемодан на крышу — дилижанс покачнулся, — и забралась внутрь. Кроме неё, пассажиров не было. Видимо, желающих ехать в Глухомостье набиралось немного.

Дилижанс тронулся. Стольград медленно поплыл за окном: сначала высокие башни Академии, которые она, возможно, больше никогда не увидит, потом городские стены, потом пригороды с уютными домиками, а потом — бесконечные поля, леса и редкие деревушки.

Велина откинулась на жёсткую спинку сиденья и закрыла глаза. В голове крутились обрывки мыслей. Лавка. Травы.

Проклятие рода. Потеря магии. Ромашка. Последнее слово она произносила мысленно с особой ненавистью.

Но было и другое. То странное чувство, которое она испытала, коснувшись свитка: тихий зов, слабое, но несомненное ощущение, что где-то там, в глуши, её что-то ждёт. Не просто старый дом и заросший сад. Что-то большее.

Она вспомнила бабушкины рассказы. «Ведана — последняя из настоящих. Лавка уйдёт чужим. Жаль». Тогда Велина не понимала, почему это важно. Теперь начинала догадываться. Родовая магия — штука серьёзная. Если бабушка говорила с таким уважением, значит, тётка действительно была сильной ведьмой. И если она запечатала завещание родовым проклятием, значит, у неё были на то причины.

— Ладно, — буркнула она, не открывая глаз. — Посмотрим, что там за лавка такая, ради которой проклинали свой род.

За окном проплывали поля. Лошади мерно цокали копытами. Кучер что-то напевал себе под нос — старую, заунывную мелодию без слов.

Путь занял почти весь день. Дилижанс трясся по ухабистым дорогам, несколько раз останавливался — сменить лошадей, дать пассажирам размяться. На одной из остановок Велина купила у дородной тётки пирог с капустой и съела его, сидя на лавке под старым вязом. Пирог был вкусным, но мысли о будущем отравляли аппетит.

Ближе к вечеру за окном показалась деревня. Покосив-

шийся указатель с полустёртой надписью «Глухомостье» торчал у дороги.

Дилижанс остановился. Кучер спрыгнул с козел, снял чемодан Велины и поставил на землю.

— Дальше пешком, — сказал он. — Лавка травницы — в конце главной улицы. Не промахнёшься.

— Почему это?

— Потому что она там одна, — хмыкнул кучер, запрыгнул обратно и, не прощаясь, развернул дилижанс в сторону Стольграда.

Велина осталась стоять посреди пустой дороги с чемоданом в руке. Вздохнула, поправила сумку на плече и зашагала по главной улице.

Деревня выглядела обычно. Деревянные дома, покосившиеся заборы, пара лающих собак вдалеке. Редкие прохожие провожали её долгими взглядами, но никто не заговаривал. Только какая-то старуха, сидевшая на лавке у колодца, проводила Велину изучающим взглядом и перекрестилась.

Улица закончилась, уткнувшись в опушку густого леса. И там, в самом конце, стоял дом.

Велина остановилась.

Дом был красивым. Даже сейчас, с заколоченными ставнями, облупившейся краской и мхом на крыше, в нём угадывалось былое величие. Высокое крыльцо с резными перилами, узор которых напоминал переплетённые травы. Эркер на втором этаже с мутными, но целыми стёклами. Простор-

ная веранда, уходящая в заросли сада.

За домом виднелся сад — вернее, то, что когда-то было садом. Сейчас это напоминало джунгли: буйная зелень, переплетённые ветви, трава по пояс. Где-то в глубине темнели кроны огромных деревьев — старых, древних, с толстыми стволами и раскидистыми ветвями.

Велина подошла к калитке. Ржавые петли заскрипели. В саду царила странная тишина — не просто отсутствие звуков, а именно Тишина. С большой буквы. Будто всё вокруг — деревья, кусты, трава — замерло и прислушивалось.

И ещё это тепло.

От старых деревьев исходило едва заметное тепло. Не физическое — магическое. Велина чувствовала его кожей, костями, всей своей сутью. Деревья спали, но не мёртвым сном, а чутким, как звери в зимней спячке. Готовые проснуться. Ждущие чего-то. Или кого-то.

Её собственная магия — огненная, порывистая — отозвалась на это тепло слабой дрожью. Будто поздоровалась. Будто узнала кого-то старого, давно забытого, но родного.

— Ладно, — сказала Велина вслух. — Дом и сад. Сад и дом. Посмотрим, что вы мне приготовили.

Где-то в глубине сада скрипнула ветка. Будто кто-то пошевелился во сне.

Она встряхнулась, подхватила чемодан и направилась к крыльцу. Ключ легко вошёл в замочную скважину. Дверь открылась с протяжным, жалостливым скрипом. Изнутри

пахнуло пылью, старым деревом и чем-то ещё — сладковато-пряным запахом бабушкиной кладовой, где хранились сушёные травы.

Велина перешагнула порог.

Внутри было темно. Она щёлкнула пальцами — на ладони зажёгся огонёк. Его света хватило, чтобы разглядеть прихожую, заставленную коробками и старыми банками, комод с мутным зеркалом и лестницу, ведущую наверх.

И пыль. Пыль была везде.

— Чудесно, — пробормотала Велина, чихая. — Просто чудесно. Дом-музей пыли. Буду водить экскурсии.

Она сделала шаг вперёд. Половица скрипнула.

И в этот момент где-то наверху раздался звук. Протяжный, тоскливый, полный вселенской печали.

— О-о-о-ох...

Велина замерла. Огонёк дрогнул.

— О-о-о-ох... — повторилось сверху. — Ох, ставни заколочены... Пыль кругом... Дом забытый... Сколько лет я ждала...

Велина медленно подняла голову. На верхней ступеньке лестницы, в полумраке, колыхалась полупрозрачная фигура — женщина в старинном платье, с бледным лицом и тёмными, полными печали глазами. Она смотрела на Велину и вздыхала так, будто на её плечах лежала вся скорбь этого мира.

Велина смотрела на призрака. Призрак смотрел на Вели-

ну. Огонь в её руке вспыхнул ярче.

— Вы, — сказала она медленно, — привидение, я полагаю?

— Привидение, — подтвердила женщина. — Мора я. Первая хозяйка этого дома. Давно это было... Муж построил, а детей боги не дали. Род угас, а я осталась. Ждала... Всё ждала...

Она прижала призрачный платок к глазам. Фантомные слёзы покатались вниз и исчезли, не долетая до пола.

— Мора, — перебила её Велина. — Очень приятно. А теперь скажите, вы всегда так вздыхаете? Или только по особым случаям?

Мора посмотрела на неё с недоумением. А потом в её тёмных глазах мелькнуло что-то странное — интерес? Искра живого любопытства, которая, казалось, давно угасла.

— Дерзкая хозяйка, — произнесла она, и в её голосе впервые прозвучало что-то, кроме печали. — Давно мне так не отвечали... Последней была моя свекровь, и та померла триста лет назад. Посмотрим, что из тебя выйдет.

Она начала таять в воздухе, но не исчезла полностью — только стала прозрачнее.

— Поздно уже... А ты горячая. Прямо как я в молодости. Отдыхай с дороги. Завтра дом проснётся по-настоящему. Завтра я тебе всё покажу — и дом, и сад, и лабораторию...

Последние слова растаяли вместе с призраком. Только запах лаванды и сырости остался в воздухе.

Велина постояла ещё минуту, глядя на пустую лестницу. Потом подхватила чемодан и пошла искать спальню.

— Травяная лавка, — бормотала она по дороге. — Дом с привидением. Сад со спящими деревьями. Лаборатория в подвале. И это только первый день.

Она нашла спальню на втором этаже — просторную комнату с кроватью под балдахином и окном в сад. Постельное бельё в шкафу оказалось почти свежим — пахло лавандой и чем-то успокаивающим.

Велина легла и закрыла глаза. За окном шелестели ветви. Где-то внизу Мора, наверное, всё ещё парила под потолком и тихо вздыхала.

— Ничего, — прошептала Велина в темноту. — Я боевой маг с отличием. Справлюсь.

И провалилась в сон.

Глава 3. Дом с привидением и домовушкой

Велина проснулась от запаха гари.

Первая мысль была — пожар. Вторая — «в моём доме пожар, а я даже не успела ничего поджечь». Третья — «как же вкусно пахнет». Четвёртая — «стоп, гарь не может пахнуть вкусно». Она открыла глаза, рывком села на кровати и принюхалась. Пахло дымом, да. Но к дыму примешивался ещё какой-то аромат — странный, почти забытый. Что-то среднее между подгоревшей кашей, печёным хлебом и отчаянной попыткой это исправить.

Велина накинула халат, найденный вчера в шкафу, и бо-
сиком побежала вниз по лестнице. Запах гари усиливался.

Источник обнаружился на кухне.

Кухня была огромной — целая печь, выложенная кирпи-
чом, занимала одну стену от пола до потолка. Под потолком,
на протянутых верёвках, висели пучки сухих трав — они
пахли даже сейчас, несмотря на общий хаос. Полки вдоль
стен были уставлены глиняными горшками и банками. По-
середине — длинный деревянный стол, заляпанный мукой
и сажей.

А посреди этого великолепия, в столбе дыма, копошилась
крошечная фигурка.

Велина нахмурилась, щёлкнула пальцами, и дым послуш-
но втянулся в дымоход. Фигурка оказалась девчушкой —
очень маленькой, Велине она доставала бы до пояса. Круглое
личико, перепачканное сажей, взлохмаченные русые волосы,
выбивающиеся из-под платка набок. На ней было некое по-
добие сарафана, сшитого из лоскутов, и передник, который
когда-то, наверное, был белым, а теперь напоминал палитру
художника-абстракциониста.

Девчушка стояла у печи и судорожно пыталась вытащить
оттуда чугунок, из которого валил чёрный дым. Руки у неё
дрожали, по щекам текли слёзы, оставляя светлые дорожки
на чумазом лице. Рядом стояла кастрюля с водой, в которой
плавал пепел. На противне лежали буханки хлеба — чёрные,
покорёженные, явно не предназначенные для еды.

— Не получается... — всхлипывала она. — Опять не получается... Хозяйшка новая приехала, а я даже завтрак приготовить не могу... Дом меня не слышит... Печь не слушается... Вода не греется... Лучше уж сразу в подпол провалиться...

Чугунок накренился, и из него на пол вывалилось нечто угольно-чёрное. Девчушка издала тонкий писк и чуть не выронила посудину.

Велина смотрела на эту сцену несколько секунд. Четыре года в Академии её учили превращать врагов в пепел, а теперь ей предстояло... возиться с кашей? Но слёзы в глазах этого маленького существа почему-то раздражали меньше, чем пыль в углах. В конце концов, здесь хотя бы была жизнь. Пусть и подгоревшая.

— Отойди, — скомандовала она.

Девчушка вздрогнула, обернулась и, увидев Велину, издала ещё один писк — на этот раз громче. Чугунок выпал из её рук и с грохотом покатился по полу.

— Х-х-хозяйка! — пролепетала она. — Я... я это... я не виновата! То есть... виновата, конечно... Но я же старалась! Дом меня совсем не слышит! Я хотела как лучше — чтобы вы проснулись, а завтрак уже готов... А печь не слушается! И дрова сырые! И каша пригорает! И хлеб не поднялся!

Велина подошла к печи. Заглянула внутрь. Дрова действительно были сырыми — видимо, хранились где-то в подполе, куда просочилась вода. Заслонка стояла криво. Тяги не

было. Неудивительно, что ничего не готовилось.

— Дрова сменить, — сказала она скорее себе, чем кому-то. — Заслонку поправить. Печь прочистить. И огонь развести нормальный.

Она закатала рукава халата и вытянула руку к печи.

— Отойди подальше, — велела она девчужке. — Ещё дальше. За стол встань. Да, туда. И не высовывайся.

Девчужка шустро спряталась за столом, выглядывая из-за него одними глазами — огромными, голубыми, полными ужаса и восхищения одновременно.

Велина сосредоточилась. Огонь был её стихией. Она чувствовала его всегда — даже сейчас, в этой старой, сырой печи, где ещё теплились последние красные угольки. Она протянула ладонь и прикрыла глаза.

Из кончиков пальцев вырвалась тонкая струйка пламени — ярко-оранжевая, почти белая в сердцевине. Она влетела в печь, обняла угли, вдохнула в них жизнь. Через мгновение в печи весело заплясал огонь. Жаркий, ровный, послушный.

Сырые дрова зашипели, выпуская остатки влаги, но пламя даже не заметило этого. Оно горело ровно и мощно, как маленькое солнце, заключённое в кирпичную коробку. Кухня наполнилась теплом и светом.

Велина поправила заслонку, проверила тягу и удовлетворённо кивнула. Потом повернулась к девчужке.

— Так, — сказала она. — Теперь ты. Кто ты такая и что здесь делаешь?

Девчушка вылезла из-за стола. Она всё ещё дрожала, но в глазах, кроме страха, появилось что-то ещё. Восхищение? Благоговение? Надежда?

— Я Глаша, — пропищала она. — Домовушка я. При доме этом живу. Уже давно. Ещё при прежней хозяйке, при Ведане. А до неё — при другой хозяйке. А до той — ещё при одной. Я много кого помню.

— Домовушка, — повторила Велина. — Домашний дух. Хранительница очага.

— Ага, — кивнула Глаша и тут же снова всхлипнула. — Только хранительница из меня никакая. Печь не слушается, еда пригорает, пыль по углам копится. Я стараюсь, честное слово! Всё время стараюсь! Но ничего не выходит. Вот даже сегодня — встала затемно, хотела вам завтрак приготовить. Думала, хоть каша получится. А она...

Она махнула рукой в сторону чёрного комка на полу и чуть не заплакала снова.

Велина нахмурилась. Она видела: Глаша не ленится. Она действительно старается изо всех сил. Но что-то мешает ей. Что-то, что глушит любую магию, кроме той, что течёт в жилах истинной хозяйки.

— Ох...

Звук раздался откуда-то из угла. Велина обернулась. Мора парила под потолком, полупрозрачная и печальная. Она, кажется, наблюдала за происходящим с самого начала, но не вмешивалась.

— Ох, Глаша, бедная... — произнесла она. — Ты не виновата. Дом тебя не слышит. И не услышит, пока не проснётся по-настоящему.

— Что значит «не проснётся»? — резко спросила Велина. — Вы вчера говорили, что дом ждёт кровную хозяйку. Я здесь. Что ещё нужно?

Мора опустилась ниже, почти до самого пола. Её призрачное лицо было серьёзным — Велина ещё не видела её такой.

— Дом наш — не просто стены да крыша... Это сердце рода. А сердце спит, когда кровь в жилах стынет. Ведана была добрая, но чужая кровь. Дом её принял, но не ожил. А ты — своя. Но дом тебя ещё не признал хозяином. Он только принимает.

— И что мне сделать, чтобы он «проснулся»? — Велина скрестила руки на груди.

Мора покачала головой. Её призрачные волосы колыхнулись, как под водой.

— Не магия нужна дому... Магии у тебя с избытком. Но дом питается не магией. А чувствами. Искренней благодарностью. Добрыми делами.

— Благодарностью? — переспросила Велина. — То есть я должна кому-то помочь, человек скажет «спасибо», и дом от этого станет сильнее?

— Я не знаю, что такое «сильнее». — Мора задумалась. — Но когда прежние хозяйки помогали людям, а те благодарили их от чистого сердца... Дом расцветал. Сад плодоносил,

фонтан журчал, печь сама топилась. И Глаша готовила так, что соседи облизывались.

— Ага! — подтвердила Глаша. — Я раньше хорошо готовила! Честное слово! У меня и пироги, и каша, и хлеб — всё получалось! А теперь... — она сникла. — Теперь ничего.

Велина задумалась. В Академии их учили, что магия — это сила, которую можно измерить, рассчитать, направить. А тут ей предлагали поверить, что дом реагирует на благодарность? На обычные человеческие «спасибо»? Это казалось абсурдным. Но, с другой стороны, она же сама вчера чувствовала тепло, исходящее от спящих деревьев. Она чувствовала, как её магия здоровается с домом. Может, Мора права.

— Ладно, — сказала она. — Раз дом питается благодарностями, будем добывать благодарности. У меня где-то была вывеска «Травница». Повешу — и пусть приходят.

— Правда? — Мора оживилась. — Горячая хозяйка, правда откроешь лавку?

— А что мне остаётся? — Велина пожала плечами. — Проклятие не даёт уехать. Значит, буду работать. В конце концов, я боевой маг с отличием. Если смогла поджечь декана, то уж настойку от кашля как-нибудь сварю.

Глаша просияла. Её чумазое личико озарилось такой радостью, что Велина на мгновение почувствовала себя... значимой. Это было странное, непривычное чувство.

— Ой, хозяйюшка! — воскликнула она. — Я помогу! Я

всё умею! То есть раньше умела... Но теперь, может, снова научусь! Если вы печь наладите и дом проснётся — я такие пироги испеку! Пальчики оближете!

— Посмотрим, — Велина невольно улыбнулась. — А пока давай наведём здесь порядок. Я не собираюсь жить в свинарнике.

— Я мигом! — Глаша бросилась к тряпке. — Я всё уберу! И полы вымою! И...

Она не договорила. Входная дверь скрипнула, и на пороге кухни появился старичок.

Он был ростом с табуретку. Кафтан его был сшит из кусочков мха, коры и сухих листьев — будто он только что вылез из лесной чащи. Седая борода торчала в разные стороны, и в ней запутались мелкие веточки и прошлогодние жёлуди. Глаза — маленькие, чёрные, как бусины, — смотрели на происходящее с крайним неодобрением.

Он приняхался, сморщил нос и проворчал:

— Опять дымом тянет... И трава на крыльце примята... Никакого уважения к земле! Ходят тут, топчут, а я потом восстанавливай...

— А это ещё кто? — спросила Велина, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Дворовой, — пояснила Мора. — Он за садом и двором приглядывает. Вредный очень, но полезный.

— Я не вредный! — огрызнулся старичок. — Я справедливый! Вот ты, — он ткнул пальцем в Велину, — новая хо-

зьяка. Кровь в тебе есть, это я чувю. Но травы на крыльце примяла! Нехорошо.

— Я чемодан несла, — сказала Велина. — Тяжёлый. Простите, что примяла ваши травы.

Дворовой на мгновение замер, будто не ожидал извинений. Потом фыркнул — но уже не так сердито.

— «Простите», — передразнил он. — Ладно уж. Травы новые вырастут. Но в следующий раз — по дорожке ходи! Дорожка для того и проложена!

С этими словами он топнул ногой. Половица под ним скрипнула особенно жалобно, и старичок растаял в воздухе, оставив после себя запах влажной земли и прелых листьев.

Велина посмотрела на то место, где он только что стоял, потом перевела взгляд на Мору.

— И часто он так?

— Он вообще редко показывается. Только когда недоволен. А недоволен он почти всегда.

— Чудесно, — пробормотала Велина. — Привидение, домовушка, Дворовой. Для полного комплекта не хватает только кота и совы.

Мора улыбнулась — впервые за всё время. Не просто дрогнула уголками губ, а улыбнулась по-настоящему, и её печаль словно растаяла, сделав призрачное лицо светлым.

— Кота у нас пока нет. А сова... Сова есть. На чердаке живёт. Книги читает.

Велина моргнула.

— Сова? Читает книги?

— Да. Ухта её зовут. Она грамотная. И очки носит.

— Сова в очках, которая читает книги, — медленно произнесла Велина. — Конечно. А чего ещё ожидать от этого дома?

— Угу, — раздалось сверху. — Угу. Совы в очках — обычное дело. Угу. Не надо стереотипов.

Велина подняла голову. В проёме люка, ведущего на чердак, сидела сова. Круглая, с большими жёлтыми глазами и взъерошенными перьями. На клюве у неё красовались маленькие круглые очки в тонкой металлической оправе. Стёкла были чуть запотевшими — видимо, сова только что проснулась.

— Угу, — повторила она. — Я Ухта. Угу. Живу на чердаке. Угу. Читаю книги. Угу. В очках. Угу. А ты новая хозяйка. Угу. Огненная. Угу. Громкая. Угу. Разбудила меня.

— Простите, — машинально сказала Велина.

— Угу. Ничего. Угу. Я всё равно собиралась просыпаться. Угу. К вечеру. Угу. Ладно, пойду читать. Угу. Увидимся.

И она исчезла в глубине чердака.

Велина постояла ещё минуту, глядя на люк. Потом повернулась к Глаше.

— Давай завтракать, — сказала она. — Что там у нас из того, что не сгорело?

Глаша просияла и начала суетиться вокруг стола. Через несколько минут перед Велиной стояла тарелка с хлебом, сы-

ром, маслом и мёдом. И чашка горячего чая с мятой — вода для него, по счастью, не успела выкипеть.

Велина ела и думала. Дом с привидением. Домовушка, которая не умеет готовить. Дворовой, который ворчит на примятую траву. Сова в очках, которая читает книги. И все они ждут, что она, боевой маг с дипломом с отличия, откроет лавку и будет продавать ромашку, чтобы «разбудить» дом.

— Ладно, — сказала она, отставляя чашку. — Глаша, где у нас вывеска «Травница»? Пора открывать лавку.

Глаша ахнула и уронила тряпку, которой протирала стол.

— Прямо сейчас?!

— А чего тянуть? Дом хочет благодарностей — будут ему благодарности.

Мора прижала призрачный платок к груди.

— Я знала, что ты справишься... Знала...

— Я пока не справилась, — уточнила Велина. — Я только собираюсь попробовать. Но если у меня не получится — я всегда могу вернуться к плану «всех взорвать».

Мора издала странный звук — нечто среднее между вздохом и смешком.

— Горячая ты... Прямо как я в молодости. Посмотрим, что из этого выйдет.

И она растаяла в воздухе, оставив после себя запах лаванды.

Глава 4. Неправильный ритуал и правильный кот

Прошло три дня. Велина успела немного обжиться, разобрать самые большие завалы в доме и даже повесить вывеску «Травница» над входной дверью — правда, пока без особого результата. Деревенские присматривались к новой хозяйке старого дома издалека, но заходить не спешили. Мора объяснила это просто: «Ох, они боятся. Ох, дом столько лет пустовал... Ох, нужно время». Велина не спорила — время у неё теперь было.

Гораздо больше её занимал подвал. Точнее, запечатанная дверь, которую она обнаружила в первый же день, но не решалась открыть. Дверь была тяжёлой, дубовой, обитой железными полосами и покрытой выцветшими рунами. Руны слабо светились в темноте — тусклым, едва заметным светом. Они были старыми, очень старыми, но всё ещё действующими.

— Только кровь рода, — напомнила Мора, паря за плечом Велины. — Только кровь откроет.

Велина стояла перед дверью, скрестив руки на груди. Она чувствовала магию, исходящую от рун, — древнюю, мощную, застоявшуюся, как вода в старом колодце. Воздух в подвале был холодным и влажным, пах землёй после грозы и чем-то ещё — терпким, магическим, почти осязаемым. Этот запах напоминал ей о полигонах Академии после особо мощных заклинаний.

— А если не откроет? — спросила она. — Что, если я недостаточно «кровная»?

— Ох, открывает, — Мора покачала головой. — Ты — та, кого дом ждал. Я это чувствую.

Велина пожала плечами и прижала ладонь к холодному дереву.

В первый миг ничего не произошло. Она уже собиралась отдернуть руку, но вдруг почувствовала: руны ожили. Они не просто вспыхнули — они потянулись к её ладони, как живые лианы, оплетая пальцы тёплым, пульсирующим светом. Магия рода проверяла её — не грубо, не враждебно, а скорее с любопытством. Как старый сторожевой пёс, обнюхивающий незнакомца. Свой? Чужой?

— Своя, — прошептала Велина. — Пусти.

Дверь со скрипом отворилась.

За ней оказалась лаборатория.

Велина замерла на пороге, не в силах сдержать восхищённого вздоха. Это была не просто комната — это был храм алхимии. Огромный каменный стол в центре, уставленный горелками, ретортами, перегонными кубами и тиглями. Вдоль стен — стеллажи, забитые банками с ингредиентами: сушёные травы, порошки, кристаллы, корни, заспиртованные образцы в мутных склянках. Книжные полки, уставленные фолиантами в кожаных переплётах. На крюках под потолком висели пучки трав, источавшие слабый, но различимый аромат. И в центре всего этого великолепия, на специальной подставке, стоял массивный чугунный котелок — чёрный, на трёх ножках, с выгравированными по боку рунами.

Велина шагнула внутрь. Её шаги гулко отдавались в тишине. Она провела пальцами по столешнице, оставляя дорожку в пыли, коснулась холодного бока котелка.

— Посудина, да? — пробормотала она, вспоминая слова Моря. — А ты непростая посудина. Я чувствую в тебе магию. Древнюю. Сильную.

— Ох, конечно, сильную, — Мора всплыла в лабораторию следом. — Ох, в нём ещё моя прабабка зелья варила. И её мать. Сила рода в нём копилась веками. Он только крови нашей подчиняется.

— Значит, он мой, — Велина взяла котелок в руки. Он был тяжёлым, основательным, но удивительно удобным — будто созданным именно для её ладоней.

Она поставила его на место и подошла к книжной полке. Пальцы скользнули по корешкам — старым, потрескавшимся, с выцветшими названиями. «Травы Северных Лесов», «Искусство зельеварения», «О духах и сущностях»... И наконец — большой фолиант в тёмно-зелёном переплёте, с вытисненными золотом рунами. Родовая книга.

Велина сняла её с полки и раскрыла наугад. Страницы были исписаны мелким, но разборчивым почерком. Рецепты зелий, описания трав, схемы ритуалов, заметки на полях. «Добавить на кончике ножа», «Не перегревать!», «Осторожно! Взрывается!» — последняя пометка была подчёркнута трижды.

— Уважаю, — хмыкнула Велина. — Предки знали толк

в веселье.

Она пролиستала ещё несколько страниц и наткнулась на заголовок, написанный крупными буквами: «О призыве духов-помощников и фамильяров».

Велина замерла.

Фамильяр. Магический помощник, спутник, связанный с ведьмой кровными узами. В Академии им читали лекции о фамильярах, но сама она никогда не задумывалась о том, чтобы завести своего. Боевому магу фамильяр не особо нужен — врагов проще взрывать самому.

Но сейчас, в этом старом доме, с лабораторией, полной ингредиентов, и родовой книгой в руках, идея показалась... заманчивой. У неё был дом. У неё были духи-помощники. Но не было своего — того, кто связан именно с ней, кто чувствует её, а она — его.

— Мора, — позвала она. — Ты призывала фамильяра?

— Ох, призывала, — отозвалась Мора, подплывая ближе.

— Ох, давно это было. Ещё при жизни. Хороший был фамильяр — ворон. Прожил со мной двадцать лет. Улетел, когда я умерла.

— А ритуал сложный?

— Ох, несложный. — Мора заглянула в книгу через плечо Велины. — Вот этот, на семьдесят четвёртой странице. «Призыв духа-хранителя». Простой ритуал, для начинающих. Ингредиенты есть в лаборатории.

Велина пролистала до указанной страницы. Действитель-

но, ритуал выглядел несложным. Круг, несколько свечей, щепотка трав, капля крови призывающего и короткое заклинание на древнем наречии. С этим даже первокурсник справился бы.

Но было кое-что ещё. В описании ритуального жеста значилось: «Плавное движение ладонью по часовой стрелке, как будто гладишь воду». Велина перечитала эту фразу дважды. Плавное. Мягкое. Как гладить воду.

Она посмотрела на свою правую руку — ту самую, которая четыре года тренировалась наносить резкие, рубящие удары, выбрасывать вперёд огненные шары и ломать защитные барьеры.

— Плавное, — пробормотала она. — Ладно. Справлюсь.

Она собрала ингредиенты: свечи нашлись в ящике стола — старые, но целые. Травы — на стеллажах, в подписанных банках. Мел для круга — в коробке у двери. Проверила всё дважды, сверяясь с книгой. Всё было правильно.

Велина расчистила место на полу лаборатории, начертила круг, расставила свечи. Рука, державшая мелок, чуть дрожала — она и сама не могла понять, от волнения или от напряжения. Она не привыкла к тонкой работе. Её магия была другой — грубой, силовой, взрывной. А тут требовалось... изящество.

— Так, — сказала она, вставая в центр круга. — Теперь кровь.

Она достала из кармана маленький ножик и уколола па-

лец. Капля крови упала в центр круга, на начерченный мелом символ.

Свечи вспыхнули сами собой.

Велина начала читать заклинание. Древние слова звучали непривычно, гортанно, но она старательно выговаривала каждый слог, как было написано в книге. Её голос звучал уверенно — громче, чем нужно, но она не замечала этого.

Она дошла до финальной фразы. Теперь — жест. «Плавное движение ладонью по часовой стрелке, как будто гладишь воду».

Велина занесла руку. Сосредоточилась. Представила воду — спокойную, неподвижную гладь озера. Сейчас она коснётся её — мягко, бережно...

Её ладонь дёрнулась и рубанула воздух.

Это вышло само собой — инстинктивно, как на полигоне. В последний момент многолетняя привычка взяла верх. Вместо плавного круга рука описала резкую, рубящую дугу — так, как она рассекала воздух перед тем, как швырнуть во врага огненный шар.

— Ох! — вскрикнула Мора. — Жест!

Но было поздно.

В центре круга вспыхнул ослепительный свет. Воздух задрожал, пошёл рябью, как над раскалённой сковородой. Раздался хлопок — громкий, как пушечный выстрел, — и лабораторию заволокло густым, пахнущим серой дымом.

Велина закашлялась и отступила на шаг. Глаза слезились.

Она взмахнула рукой, разгоняя дым.

Когда дым рассеялся, в центре круга, на том самом месте, куда упала капля крови, сидел кот.

Чёрный. Тощий. С облезлой шерстью и драным ухом. Он сидел, обернув хвост вокруг лап, и смотрел на Велину янтарными глазами, в которых плясали искры — почти как у неё самой. На лбу у него красовались две крошечные шишки, едва заметные под шерстью.

Велина смотрела на кота. Кот смотрел на Велину.

Молчание затянулось.

А потом кот чихнул — громко, с чувством, — и принялся отряхиваться от саж.

— Ну, — произнёс он хрипловатым, прокуренным голосом, — и кто это у нас тут такой умный? Кто ритуал призыва проводил, не удосужившись выучить правильный жест?

Велина открыла рот. Закрыла. Снова открыла.

— Ты говоришь, — выдавила она.

— Говорю, — подтвердил кот, не прекращая вылизывать лапу. — И вижу. И слышу. И нюхаю. И, между прочим, нюхаю я сейчас серу, паленую шерсть и чью-то вопиющую магическую безграмотность.

Он встал, потянулся, демонстрируя тощее тело и торчащие ребра, и снова чихнул — на этот раз в сторону.

— Где я? — спросил он, оглядывая лабораторию с выражением крайнего неодобрения. — Что за дыра? Почему так темно? И почему от тебя несёт огнём и разочарованием?

Велина наконец обрела дар речи.

— Это мой дом, — сказала она. — Точнее, дом моей дальней родственницы, который теперь мой. А ты... ты кто?

Кот перестал вылизываться и посмотрел на неё долгим, оценивающим взглядом.

— Я тот, кого ты призвала, горе-ведьма. Только призвала ты меня неправильно. Вместо простого духа-помощника — какого-нибудь безмозглого домового или ручного воронёнка — ты умудрилась пробить портал на Изнанку и выдернуть оттуда меня.

— Изнанку? — переспросила Велина. — Это что ещё за место?

Кот фыркнул.

— Изнанка, дорогуша, — это место, откуда нормальные маги не призывают фамильяров. Потому что с Изнанки приходят только те, кто не должен приходить. Тени, стражи, хранители порогов. Существа, которых лучше не трогать. И я — одно из них. Я должен был охранять Северный Порог. У меня был график, смена через трое суток, миска с едой и угол у очага. А теперь я здесь. В этой... где это вообще?

— Глухомостье, — машинально ответила Велина.

— Глухо-что? — кот подавился собственной шерстью. — Ты серьёзно? Деревня называется Глухомостье?! Я попал из Изнанки в место, которое называется Глухомостье?!

— Там ещё лес рядом, — зачем-то добавила Велина. — И речка.

— Лес и речка, — повторил кот с убийственным сарказмом. — Чудесно. Просто чудесно. Я — Страж Изнанки, существо, от одного вида которого трепещут демоны и закрывают глаза смертные. А теперь я в Глухомостье. У речки. С ведьмой, которая не умеет проводить простейший призыв.

— Слушай, ты, клочок шерсти! — вспыхнула Велина. Искры в её волосах снова заплясали. — Я, между прочим, боевой маг с дипломом с отличия! А жест... жест я перепутала случайно!

— «Случайно», — передразнил кот. — Твоя «случайность» создала мост между мирами. Твоя кровь держит меня здесь. Твоя ошибка в жесте заперла меня в этом теле, и я не могу пересечь границу обратно. Так что — спасибо, горе-ведьма. Ты не просто испортила ритуал. Ты испортила мне жизнь.

Велина замолчала. Гнев схлызнул так же быстро, как и появился. Она смотрела на кота — тощего, облезлого, с торчащими ребрами, — и вдруг почувствовала что-то, чего не ожидала. Ответственность.

Она действительно его призвала. Она действительно ошиблась. И теперь он застрял здесь — из-за неё.

— Я могу попробовать исправить, — сказала она уже спокойнее. — В книге должен быть обратный ритуал.

— Не утруждайся, — кот снова принялся вылизываться. — Обратный ритуал в десять раз сложнее. А ты, как я уже понял, пока не в ладах с точностью движений. Ты меня от-

сюда не отправишь. Разве что случайно.

Он закончил с лапой и посмотрел на Велину. В его янтарных глазах всё ещё плясали искры, но теперь в них появилось что-то ещё — любопытство?

— Ладно, — сказал он. — Раз уж я здесь застрял, давай знакомиться. Меня зовут Мурлок-с-Изнанки. Я Страж Северного Порога. Хранитель Грани. И, судя по всему, теперь твой фамильяр.

— Фамильяр? — переспросила Велина.

— А ты думала, призыв духа-помощника — это просто игра? Кровь пролита, связь установлена. Ты, горе-ведьма, теперь моя хозяйка. А я — твой фамильяр. Поздравляю.

Велина опустилась на табурет, стоявший у стены. Ноги вдруг стали ватными. Она хотела духа-помощника. Маленького домового или фамильяра-ворона. А получила... кота. Тощего, саркастичного, с рожками на голове.

— Ты хотя бы мышей ловить умеешь? — спросила она.

— Я Страж Порога, а не дворовый кот! — возмутился Мурлок. — Я не ловлю мышей! Я охраняю грани! Я...

— Значит, будешь Стражем Порога с функциями кота, — перебила Велина. — Добро пожаловать в Глухомостье.

Мурлок открыл рот, чтобы возразить, но осёкся. Посмотрел на неё — долгим, изучающим взглядом. А потом вдруг хмыкнул — не зло, а скорее... с уважением?

— А ты ничего, горе-ведьма, — сказал он. — Дерзкая. Это я уважаю. Ладно. Где тут у вас кормят?

Велина невольно улыбнулась. Она встала, отряхнула халат и направилась к выходу из лаборатории.

— Пошли, — бросила она через плечо. — Познакомлю тебя с остальными. Мора! Ты идёшь?

— Ох, иду, иду, — Мора, всё это время тихо парившая в углу, выплыла следом. — Ох, горячая хозяйка... Ох, фамилляр у тебя... Ох, с характером...

— Как и я, — ответила Велина. — Значит, подходим друг другу.

Мурлок, шагавший следом, фыркнул.

— Посмотрим, — пробормотал он. — Посмотрим.

На кухне появление Мурлока вызвало переполох. Глаша, увидев говорящего кота, уронила тряпку и прижалась к стене. Ухта, спустившаяся с чердака на шум, поправила очки и выдала своё неизменное «Угу». Дворовой, проходивший мимо с ведром воды, замер на пороге и уставился на нового жильца.

— Это Мурлок, — представила Велина кота. — Мой фамилляр. Будет жить с нами.

— Фамилляр? — переспросила Глаша, осмелев. — А почему он такой... тощий?

— Потому что меня выдернули с Изнанки без предупреждения! — рявкнул Мурлок. — Я не успел позавтракать! И пообедать! И поужинать! Вообще-то у меня был график пи-

тания, и...

— Глаша, — перебила Велина, — покорми его. Кажется, это решит часть проблем.

Глаша засуетилась, достала из кладовой миску и налила в неё молока. Мурлок посмотрел на молоко с выражением глубочайшего скепсиса.

— Я не пью молоко, — сказал он. — У меня от него несварение. Мясо есть?

— Есть, — пискнула Глаша. — Сейчас принесу.

Через несколько минут перед котом стояла миска с нарезанной курятиной. Мурлок понюхал её, одобрительно кивнул и принялся есть — аккуратно, но очень быстро.

Велина сидела за столом, пила чай и смотрела на эту сцену. Кот с Изнанки. Страж Порога. Фамильяр. Она всё ещё не до конца осознавала, что произошло. Но что-то внутри неё — та самая магия, которая здоровалась с домом и садом, — тихо мурлыкала от удовольствия. Будто всё встало на свои места.

Мора парила под потолком и тихо вздыхала, но теперь в её вздохах слышалось что-то похожее на радость.

— Ох, — произнесла она. — Ох, горячая хозяйка... Ох, теперь всё правильно... Ох, дом, сад, духи и фамильяр... Ох, всё на своих местах...

— Не хватает только посетителей, — заметила Велина. — Но это, кажется, вопрос времени.

Мурлок, доевший мясо, поднял голову от миски и обвёл

кухню изучающим взглядом.

— Значит так, — сказал он. — Я здесь теперь живу. Это мой дом. И это моя ведьма. — Он кивнул на Велину. — И если кто-то попытается причинить ей вред — я за себя не ручаюсь. Вопросы есть?

Вопросов не было. Даже Дворовой на пороге промолчал, только хмыкнул в бороду и ушёл в сад.

Велина смотрела на кота и чувствовала, как внутри разливается странное тепло. У неё не было семьи — только бабушка, да и та умерла. У неё не было друзей — только соперники. А теперь у неё был дом. И духи. И фамилляр, пусть и не тот, которого она хотела.

— Мурлок, — позвала она.

— Что? — кот повернулся к ней, всё ещё с капелькой молока на усах. (Видимо, всё-таки попробовал.)

— Добро пожаловать домой.

Кот моргнул. Его янтарные глаза на мгновение вспыхнули красным — как тогда, в лаборатории. Потом он отвернулся и принялся вылизывать усы.

— Ладно, — буркнул он. — Пусть будет «домой». Но мясо чтобы свежее. И без молока.

Велина улыбнулась и отпила чай.

Глава 5. Первая настойка и первая благодарность

Прошло ещё два дня. Велина наконец решилась открыть лавку по-настоящему — не просто повесить вывеску, а при-

вести торговый зал в порядок и приготовиться к приёму посетителей. Если уж она застряла в Глухомостье, то идти до конца — так её учили в Академии. Правда, в Академии «идти до конца» обычно означало «взорвать полигон», а не «протереть пыль с банок», но суть та же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.